

обращенных ко мне в одном из многочисленных писем ее ко мне по поводу разных недоразумений и неприятностей, возникших при окончательном устройстве консерватории в Петербурге. «J'espère que comme moi, — заключила она длинное письмо свое от 3–15-го августа 1867 г. из Карлсбада, — vous ne perdrez pas courage malgré les expériences fâcheuses que nous avons faites et que vous continuerez à donner vos soins à une institution, que nous léguerons – j'aime à le croire – à la Russie dans toutes les conditions d'une longévité qu' on lui conteste et d'un développement artistique digne de l'art et de notre Patrie»*.

Эти слова обязывают меня продолжать, по мере сил и возможности, при новом президенте общества участвовать в администрации общества и консерватории. Если бы покойная великая княгиня была жива, как бы она порадовалась успеху парижских концертов!

1879 год

18-го августа. Скоро год, что я не писал ничего в этой тетради. Отчего? Трудно сказать. В течение нынешнего года, однако, свершилось много замечательных событий, но все они таковы, что наводят на душу неизъяснимую тоску. Они сами о себе говорят, и фактическая сторона их известна всем из газет. Судить же о них — значит петь заунывную песню все на один и тот же мотив.

Неудавшийся мир, заключенный в прошлом году Берлинским договором, осудит история и без всяких комментариев определит характер и политическое достоинство руководителей нашей политики.

К сожалению, все, что я предчувствовал и предсказывал в своих записках в начале войны, все то сбылось с математической верностью (см. 20-го июля и проч. 1877-го года).

Ожидаемого чуда не свершилось, а потому дела приняли естественный оборот. Ложь и лицемерие обнаружили. Правительство вело войну за идею, в которую оно не только не верит, но которой оно по инстинкту своему враждебно. Сам государь увлекся словами и даже, может быть, одну минуту заразился общим народным настроением и энтузиазмом к идее, которая ему, в сущности, инстинктивно противна⁵⁴. Что же мудреного, что при первых рассуждениях и в дипломатической борьбе с противниками, ясно сознающими свой интерес и важность мыслей, лежащих в основе славянского движения в России, наши дипломаты сейчас почти без боя готовы были все уступить, от всего отказаться, лишь бы покончить скорее несчастное дело. С небывалою до сих пор легкостью принимались важнейшие политические решения. Никто никогда не был призван на совет. Даже министры все, кроме военного, были в совершенном

* Надеюсь, что как и меня, Вас не покинет мужество, несмотря на те досадные опыты, кои достались на нашу долю, и Вы и далее будете продолжать Ваши усилия в том, что касается того учреждения, которое мы завещаем, я с радостью верю — России при всех тех условиях, что обеспечивают долголетие и художественное развитие, достойное искусства и нашего Отечества.

неведении о том, что делается. И действительно, нужно было во что бы то ни стало кончить войну и переговоры о мире. Этому не могли не желать даже люди, понимающие и сочувствующие восточному вопросу, ибо, без сомнений, можно было ожидать еще больших бед при этой полной во всех отношениях несостоятельности правительства к какой-либо разумной деятельности. Эта несостоятельность, вполне сознаваемая нашими врагами, все более и более переходит в сознание общества. Неудовольствие во всех слоях увеличивается и принимает различные формы. Странно сказать, но это верно, что в настоящее время, что удерживает общество от выражения своего неудовольствия, — это нигилисты. Их безобразные учения и действия поддерживают власть и сдерживают массу недовольных от справедливого негодования. Неискусное отношение правительства к нигилистам и вся внутренняя полицейская политика под охраной тайны дали жестокие плоды. Политические заговоры и самые крайние учения и партии⁵⁵ приняли огромные размеры и вступили в явную борьбу с властью. На стороне первых хоть безобразная, но определенная мысль, воля, характер, решительность. На стороне второй — одна материальная сила без всякого умения действовать иначе, как мечом. Понятно, почему борьба еще продолжается.

Приведу здесь вкратце официальные известия об ужасном событии 2-го апреля.

В особом прибавлении к «Правительственному вестнику» напечатано следующее сообщение:

«Сегодня, в 9-м часу утра, в то время, как государь император изволил, по обычаю, прогуливаться в местности, окружающей Зимний дворец, на тротуаре, прилегающем к зданию Штаба Петербургского военного округа, навстречу Его Императорского Величества с противоположной стороны здания вышел человек, весь прилично одетый, в форменной с гражданской кокардой фуражке. Подойдя ближе к государю императору, человек этот вынул из кармана пальто револьвер, выстрелил в Его Величество и вслед за этим сделал еще несколько выстрелов. Проходившие вблизи люди, а равно и городские, немедленно бросились на злоумышленника и схватили его, причем неизвестный успел дать еще один выстрел, который легко ранил в щеку одного из окружающих его людей. Божие Провидение сохранило невредимо драгоценные для России дни августейшего нашего государя. Злодей арестован, расследование начато».

«2-го апреля, во второй день Пасхи, — как сообщает «Правительственный вестник», — после литургии в малой церкви Зимнего дворца было совершено благодарственное Господу Богу молебствие за спасение жизни государя императора, охранение его десницею Всевышнего от руки злодея, дерзнувшего посягнуть в это утро на августейшую особу Его Величества. Весть об этом быстро разнеслась по городу, и не прошло двух часов времени, как Зимний дворец наполнился собравшимися туда военными чинами и гражданами, а также и дамами, желавшими видеть государя и выразить ему свои верноподданнические чувства. По окончании молебна Его Величество изволил войти в Белую залу, где все съехавшиеся были уже собраны. При вступлении в залу государь император был встречен громкими, восторженными и долго не умолкавшими восклицаниями. Вслед за тем государь изволил произнести следующие слова:

“Я глубоко тронут и сердечно благодарю за чувства преданности, высказанные вами. Сожалею только, что поводом послужил столь грустный случай. Богу угодно было в третий раз избавить меня от верной смерти, и сердце мое преисполнено благодарности за его милости ко мне. Да поможет он мне продолжать служить России и видеть ее счастливою и развивающеюся мирно, как я того желал бы. Благодарю вас еще раз”.

Сообщаем подробности этого покушения, проверенные, насколько это было возможно: государь император изволил выйти из Зимнего дворца 2-го апреля, в исходе 9-го часа утра, на прогулку по Миллионной улице, мимо Эрмитажа, вокруг здания Гвардейского штаба. От угла дворца Его Величество прошел до конца здания Штаба 230 шагов, по тротуару с правой стороны Миллионной до Зимней канавки государь дошел до Певческого моста, сделал еще 170 шагов. Таким образом, государь император прошел от угла дворца до Певческого моста 400 шагов, на что потребно обыкновенной прогулки около 5-ти минут.

На углу Зимней канавки и площади Гвардейского штаба находится будка городского, т. е. помещение городского для ночлега, с печью и складом небольшого количества дров. Самого городского в будке в это время не было: он находился на своем посту, невдали, на площади. Повернув от здания Главного штаба, от Певческого моста и Зимней канавки к Александровской колонне, т. е. обратно ко дворцу, государь император сделал по узкому тротуару Штаба еще 15 шагов. Здесь, находясь против 4-го окна штаба, государь заметил идущего навстречу ему высокого, худощавого, темноволосого, с темно-русскими усами человека лет 32-х, одетого в статское приличное пальто и в фуражке с гражданскою кокардою, причем обе руки этого прохожего были в карманах пальто.

Было 9 ч. 10 м. утра. Подойдя к государю на расстояние 6–7 шагов, незнакомец вынул из правого кармана пальто револьвер и выстрелил в государя. Вторая пуля ударилась в щеку и вышла у виска шедшего за государем пожилого, с сильною проседью статского господина, уроженца Остзейских губерний, по фамилии Милошевич. Раненный, обливаясь кровью, Милошевич бросился на злодея, стрелявшего в священную особу государя императора. Сделав еще два выстрела, причем пуля попала в стену здания Штаба, злодей увидел, что его 4 выстрела в упор в государя не попали, бросился бежать по площади Гвардейского штаба, направляясь по площади к тротуару противоположного здания — Министерства иностранных дел. Спасаясь бегством, злодей сбросил с себя фуражку и пальто, очевидно, чтобы скрыться неузнанным в толпе. Его настигли шедшие случайно невдалеке за государем молодой солдат 6-й роты Преображенского полка и фельдфебель гвардеец Рагозин. Они первые схватили и повалили преступника на землю. Сбежавшийся народ порывался растерзать злодея. Подоспевшая полиция спасла его от рук негодовавшей толпы и, окружив, взяли его под арест.

Преступник, полураздетый, избитый, с помутившимся от ужаса взором, был отведен с площади, где с ним началась рвота, давшая повод к толкам в городе, что он отравился и даже будто бы умер. Мы можем утвердительно сказать, что схваченный преступник, которому, на всякий случай, были даны противоотравные пособия, жив и не представляет более опасности самоотравления.

Государь император, спасенный в третий раз Божьим промыслом для любящей его и им любимой России, сохранил полное спокойствие духа. Когда из здания Штаба выбежали, в чем были, без пальто и фуражек, живущие там военные высшие чины и государю была подана подъехавшая случайно к подъезду частная коляска, государь в нее сел только тогда, когда злодей уже был схвачен и обезоружен. Спросив околоточного Дворцового участка, унтер-офицера Неледина, арес-

тован ли преступник и в безопасности ли он, достаточно ли его берегут, государь сел в коляску и медленно возвратился во дворец среди восторженно провожавшей его толпы. Пуля ударила в здание Штаба, отбив штукатурку до кирпичей на четверть аршина под окном подвальной квартиры наборщика типографии Гвардейского штаба унтер-офицера Лоста и на 3/4 аршина ниже окна верхней квартиры (на первом этаже) аудитора Штаба Ченцова. Милошевич был сперва доставлен для перевязки во дворец, потом помещен в придворном (Конюшенная улица) госпитале, причем ему были оказаны все нужные пособия с замечательной быстротой. Злодей схвачен у левого фонаря, в 15 шагах от квартиры канцлера князя Горчакова, куда он перебежал от тротуара Штаба через площадь.

Зимний дворец быстро наполнился высшими чинами, гвардейскими офицерами и генералитетом, спешившими к государю. После благодарственного молебна в малой церкви дворца государь изволил выйти к собравшимся. Восторженные крики долго не давали государю говорить. Когда крики смолкли, он изволил сказать, что новым избавлением своей жизни он в третий раз⁵⁶ обязан милосердному промыслу Божьему и что в этом он видит указание свыше, что его жизнь еще нужна для горячо любимого Отечества, которому он с тою же любовью и преданностью посвятит и последние дни свои, с какими он служил Отечеству и всю прежнюю жизнь свою.

Дворцовая площадь быстро наполнилась народом. Во втором часу дня на балконе Зимнего дворца, выходящем на разводную площадку, показался государь император. Его Величество был в пальто и в каске. Рядом с государем стояли: по правую руку — наследник-цесаревич, в мундире с непокрытой головою, по левую — великий князь Николай Николаевич, также в мундире без каски.

Собравшийся народ пел “Боже, царя храни”, “Коль славен” и “Славься”. Когда члены императорской фамилии стали разъезжаться, толпа приветствовала их восторженными криками; когда же показался государь император — восторг народа не знал пределов. Все спешили увидеть чудесно спасенного Богом монарха. Часу в четвертом император один в открытой коляске ездил помолиться в Казанский собор, возвратившись по Невскому, провожаемый восторженным “ура”.

Старообрядцы, приемлющие священство, прихожане петербургского Громовского кладбища⁵⁷, услышав о дерзком покушении на жизнь богохранимого государя императора, немедленно собрались на кладбище для принесения Господу Богу благодарственного молебствия для принесения благодарения за спасение драгоценной жизни августейшего своего монарха. По окончании молебствия была пропета “Многая лета” государю императору. Общество старообрядцев положило написать на память о чудесном избавлении обожаемого государя святую икону и повесить неугасаемую лампаду.

Вечером город, с утра расцветившийся флагами, был иллюминирован. Кроме газовой иллюминации на улице, во многих домах на окнах горели свечи.

Французский спектакль в Михайловском театре начался гимном “Боже, царя храни”, который артисты и артистки труппы спели с большим одушевлением два раза кряду. Публика, находившаяся еще под свежим впечатлением об ужасном злодействе, выслушала гимн с видимым волнением. По опущении занавеса в зале раздались громкие одушевленные крики “ура”.

В Благородном собрании⁵⁸ шла вчера известная пьеса “Фру-Фру”⁵⁹ (в русском переводе “Ветерок”) с г-жою Савиной в главной роли. Перед началом спектакля собравшаяся в значительном числе публика из театральной залы была приглашена в столовую, где отслужен был благодарственный молебен за спасение государя от угрожавшей ему опасности. Потом, при поднятии занавеса, певчими, участво-

вавшими в богослужении, и труппою артистов исполнен народный гимн, повторенный по требованию публики».

Общественное негодование выразилось сильно во всех краях России. Все, естественно, ожидали со стороны правительства решительных мер против распространяющихся ежедневно тайных заговоров.

6-го апреля был объявлен следующий именной Указ Правительствующему Сенату:

«События последнего времени с очевидностью указывают на существование в России если не многочисленной, то упорной в преступных заблуждениях своих шайки злоумышленников, стремящихся подорвать все основы государственного и общественного быта. Не ограничиваясь распространением путем печати, в распылаемых тайно прокламациях, самых возмутительных учений, клонящихся к ниспровержению догматов религии, союза семейственного, прав собственности, злодеи эти неоднократно покушались на жизнь высших сановников империи и других лиц, облеченных правительственной властью. Наконец, ряд злодейств завершился преступным покушением на цареубийство. Такие злодеяния, отсутствие всякого раскаяния в злоумышленниках, которые до настоящего времени были обнаружены, обратили внимание Наше и заставили Нас прибегнуть к исключительным временным мерам, как для примерного наказания виновных, так и для предоставления лицам, облеченным правительственной властью, особых прав в видах охранения общественного порядка. С этою целью мы признали за благо:

1) Назначить генерал-губернатора в Петербурге, Харькове, Одессе с особыми чрезвычайными правами, означенными в нижеследующих статьях; те же права предоставить временно генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве.

2) Генерал-губернаторам: Петербургскому, Харьковскому и Одесскому — подчинить губернии: Петербургскую, Харьковскую и Херсонскую. Независимо от этого как сим генерал-губернаторам, так генерал-губернаторам подчинить некоторые местности из смежных губерний, которые будут указаны впоследствии.

3) Во всех названных местностях подчинить генерал-губернаторам все местные гражданские управления в том размере, в каком, на основании 46-й статьи Положения о полевом управлении войск в военное время, подчиняются главнокомандующему армией губернии и области, объявленные на военном положении, а также учебные заведения всех ведомств по предметам, относящимся до охранения порядка и общественного спокойствия.

4) Предоставить генерал-губернаторам лиц гражданского ведомства подведомственным им местностям предавать военному суду с применением к ним наказаний, установленных для военного времени независимо от случаев, упомянутых в указе нашем от 9-го августа минувшего года⁶⁰, и за другие виды преступлений государственных или против порядка управления, равно за совершение других преступлений, общими уголовными законами предусмотренными, когда они признают это необходимым, в видах ограждения общественного порядка и спокойствия. По делам сего рода присвоить генерал-губернаторам права, предоставленные ст. ст. 1831, и 1838, и 1841, — 24 ст. военных постановлений 1869-го года главнокомандующему в военное время.

5) Указанный порядок применить по всем делам, по коим не последовало доныне предания обвиняемых суду.

6) Предоставить генерал-губернаторам право: а) высылать административным порядком из вверенных им местностей всех тех лиц, дальнейшее пребывание кото-

1879 год

рых в тех местностях они признают вредным; б) подвергать личному задержанию по непосредственному своему усмотрению всех лиц, несмотря на звание и состояние, в тех случаях, когда они признают это необходимым; в) приостанавливать или вовсе воспрещать издание журналов и газет, направление которых будет ими признаваемо вредным, и вообще принимать те меры, которые они признают необходимыми для охранения спокойствия во вверенном им крае. Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит сделать надлежащее распоряжение.

Александр.

5-го апреля 1879г.».

В Петербург назначен генерал-губернатором Гурко, в Харьков — граф Лорис-Меликов, а в Одессу — генерал Тотлебен. Я забыл сказать, что в начале года произошла перемена в составе министерства⁶¹: на место Тимашева назначен товарищ его — Маков. «На безрыбье и рак — рыба...». Маков — человек работающий, понимающий дело, но не проявивший ни в чем государственных способностей. Он горячо рекомендован и Тимашевым, и Валусевым. Из этого только можно заключить, что он человек уживчивый и из ряда вон не выходящий.

В начале года совершилось еще одно важное событие, наделавшее много шума и много вреда в России. В Астраханской губернии открылись в станице Ветлянке признаки чумы. Все взбудоражилось. Туда послали графа Лорис-Меликова с особыми полномочиями. К счастью, развитие болезни остановили — как вдруг испуганные власти в разных местностях, как-то: в Москве и Рязани, не удостоверившись ни в чем обстоятельно, стали доносить о появившихся в этих местностях будто бы признаках чумы. Все это оказалось вздором, но произвело и в России, и за границей страшный переполох.

Как вдруг появилось в здешних известиях, что будто лейб-медик Боткин обнаружил здесь, в Петербурге, признаки чумы, и вслед за этим появилось правительственное сообщение следующего содержания.

Правительственное сообщение

13-го сего февраля, в 10 часов утра, в терапевтическое отделение профессора Боткина Михайловской клинической больницы баронессы Вилье поступил на излечение дворник Артиллерийского училища — крестьянин Наум Прокофьев 50-ти лет, по заключению профессора Боткина, с припадками легкой формы болезни, которая была в 1877 году наблюдаема в городе Астрахани доктором Бекнером.

У Прокофьева, который в течение 4-х лет не выезжал из Петербурга, 15-го января сего года появилось лихорадочное состояние. На другой день обнаружилась большая опухоль в левом паху (бубон), перешедшая впоследствии в нагноение. 10-го февраля опухоль скрылась, а 12-го февраля обнаружился новый приступ лихорадки, и в течение одной ночи развилась новая опухоль — в правом паху. 13-го февраля лихорадочное состояние довольно значительно. Температура 39,20. Пульс — 120. Кожа покрыта мелкой «петехиальной»⁶² сыпью. Упадок сил незначителен.

Случай этот, по мнению профессора Боткина, по медленности течения и по тому, что он не повлек за собой других заболеваний в том помещении, где прожи-

вал Прокофьев, принадлежит к легким и доброкачественным формам вышеназванной болезни. Терапевтическое отделение клиники, в котором помещен больной, строго изолировано, и всякое сообщение с другими отделениями совершенно прекращено. Для наблюдения за больным оставлены при нем: врач Васильев, 2 студента 4-го курса — Кононаевич и Дмитриев, и два служителя. Все вещи больного сожжены.

Одновременно с сим сделаны следующие распоряжения:

1) Все 48 лиц, которые жили с Прокофьевым в том же подвальном этаже и которые все совершенно здоровы, переведены в особо устроенное Городскою думою обсервационное помещение в Екатерингофе. Туда же перевезено все имущество для дезинфекции, а если окажется необходимым — то и для сожжения.

2) Назначен особый врач, фельдшер и прислуга в обсервационное помещение, которое будет оцеплено, согласно карантинным правилам, на 42 дня.

3) Часть подвального этажа, где жил Прокофьев, в здании Артиллерийского училища, будет дезинфицирована.

4) Равным образом будет подвержена дезинфекции остальная часть подвального этажа и учрежден врачебный надзор за живущими в тех отделениях, которые не имеют прямого сообщения с жильем Прокофьева. Для достижения этой цели признано необходимым на некоторое время вывести всех в более обширные и здоровые помещения.

О дальнейшем ходе болезни Прокофьева будет ежедневно доводимо до всеобщего сведения.

Можно себе представить, какой переполох последовал и здесь, и за границей. Курс наш⁶³ еще более упал. Везде на границах стали устраивать карантин.

Между прочим, вся эта тревога оказалась чистою выдумкою Боткина, которого поведение во всем этом деле, по малой мере, было весьма странным. Признав признаки чумы в своем больном⁶⁴, он, не менее того, поехал во дворец, и, несмотря на опровержение особой комиссии из официальных представителей, он продолжал вводить в заблуждение общественное мнение, в особенности за границей.

Началась престранная и неприличная полемика, доказавшая только отсутствие здравого смысла и понятия об общественном деле. К счастью, признаки чумы и в самой Ветлянке скоро прекратились, а в Петербурге ни одного сомнительного случая не было, и вся эта тревога, стоившая очень дорого России, прошла бесследно и еще более убедила всех в опасности терять голову при всяком выходящем из ряду случаев.

Последовательный ряд политических процессов передается Военному суду, кончающийся смертными приговорами, начинает уже представляться делом обыкновенным, и к ним публика уже привыкает.

В Государственном совете с каждым годом дела рассматриваются менее серьезно, и важнейшие из законодательных вопросов даже вовсе не передаются на его рассмотрение. Они решаются или в Комитете министров, или в Особых комиссиях⁶⁵. Многие, даже новые, законы вовсе не объясняются, как, например, так называемый закон 1-го сентября⁶⁶, установивший порядок по производству следствий и дознаний по политическим делам, вовсе никогда обнародован не был. Проекты новых налогов, внесенные Грейгом в Совет, ве-

1879 год

лено было непременно рассмотреть в несколько дней, и всякое возражение или даже частное замечание принималось с неудовольствием. Одним словом, Государственный совет как самостоятельное подающее совет учреждение более не существует. Его слабую оппозицию не может выдержать бездарность министров. Во всем застой полный.

Под председательством Валуева учреждена Особая комиссия из нескольких министров (юстиции, внутренних дел, шефа жандармов, финансов и князя Урусова), которой поручено обдумать, какие необходимо принять меры при теперешнем тревожном состоянии России. Результаты совещаний этой Комиссии замечательны. Они могут служить мериллом для оценки способностей нашей администрации. Ребяческие, ничтожные отдельные меры, общие фразы с пожеланиями — вот и все. Ни мысли, ни взглядов на общее положение вещей и на причины обнаруженных явлений — просто смешно и возмутительно читать...

Мы положительно вступили в эпоху полного расслабления духовного. Никакая борьба невозможна против равнодушия, бессилия и безмыслия. Остается ожидать, что из всего этого выйдет.

Быть может, сила — в немощи совершится.